

К ВОПРОСУ О СЕВЕРНОЙ ГРАНИЦЕ БАКТРИИ

Резюме: Крепость Узундара была построена в конце IV – начале III в. до н.э. Гарнизон, размещенный здесь, выполнял две задачи: с одной стороны, защита границ Бактрии от угрозы нашествия кочевников с севера и северо-запада, а с другой – предотвращение мятежа местного населения и поддержание порядка. Такие функции имели все аналогичные гарнизоны *φρουραί*, размещенные на обширных пространствах Селевкидской империи.

В период формирования независимого Греко-Бактрийского царства крепость Узундара после значительной перестройки и ремонтов продолжает функционировать, а ее гарнизон исправно получает денежное жалование и прочее довольствие от всех греко-бактрийских царей, начиная с Диодота и заканчивая Евкратидом. С этого момента ее задачи меняются с защиты империи Селевкидов на защиту Греко-Бактрийского царства при сохранении основной цели – предотвращение внезапного нашествия кочевников с северных границ Бактрии в плодородные долины рек Шерабаддарья и Сурхандарья.

Наличие мощной фортификационной системы с крепостями, многокилометровыми выносными стенами и башнями на протяжении десятков километров, а также вся материальная культура крепости Узундара позволяют утверждать, что здесь в эллинистическую эпоху (рубеж IV / III вв. до н.э. – середина II в. до н.э.) проходила северная граница Бактрии.

Ключевые слова: Узундара, Бактрия, Селевкиды, Греко-Бактрийское царство.

Summary: The Uzundara fortress was built in the late 4th – early 3rd century BC. The garrison, which was posted here, performed two tasks: on the one hand, the protection of the borders of Bactria from the threat of invasion by the nomads from the North and North-West, and on the other hand – the protection of the authorities of the Seleucid dynasty from a revolt of the local population and maintenance of order. These functions were performed by all similar garrisons (*φρουραί*), placed on the vast expanses of the Seleucid Empire.

During the formation of the independent Greco-Bactrian Kingdom, the Uzundara fortress continues its function, after a significant restructuring and repairs, and its garrison regularly receives salaries and other allowances, apparently directly from the capital of the state from all the Greco-Bactrian kings, starting with Diodotus and ending with Eucratide. Since then, tasks of garrison have include protection of the Greek-Bactrian kingdom while maintaining of the primary goal – to prevent a sudden invasion of nomads from the Northern borders of Bactria in the fertile valleys of the rivers Sherabaddarya and Surkhandarya.

The presence of the powerful fortification system with fortresses, many kilometers of external walls and towers for tens of kilometers, as well as the entire material culture of the fortress Uzundara suggests that here was the northern border of Bactria in the Hellenistic era (late 4th / early 3rd c. BC – mid 2nd c. BC).

Keywords: Uzundara, Bactria, Seleucid, Greco-Bactrian Kingdom.

Бактрийский отряд Среднеазиатской археологической экспедиции Института археологии РАН в течение последних 15 лет проводит свои исследования в Сурхандарьинской области, на юге современного Узбекистана¹. Эти исследования

¹ Работы ведутся совместно с сотрудниками Тохаристанской археологической экспедиции Института искусствознания Академии наук Республики Узбекистан, под руководством академика Э.В. Ртвеладзе.

позволили накопить новые материалы и сделать некоторые открытия, которые заставляют вновь обратиться к проблеме северной границы древней Бактрии в эллинистический период. Вопрос обсуждается на протяжении уже более полутора сотен лет, в основном, историками. Нам представляется важным начать исследование проблемы в первую очередь с рассмотрения географии региона, отождествляемого с древней Бактрией.

Бактрийская равнина расположена в кольце величайших горных систем мира. С востока она буквально заперта вершинами Памира, с севера – отрогами Памиро-Алая, в частности, Гиссарским хребтом, с запада – горами Кугитанг, а с юга равнину подпирает Гиндукуш.

Водами этих гор питается целая сеть рек, которые в свою очередь стекаются в центр долины и образуют крупнейшую водную артерию среднеазиатского междуречья Амударью, в древности Окс. Начало ее лежит на востоке долины, по современным географическим представлениям, у слияния рек Вахш и Пяндж.

До слияния Вахш стекает в долину с северо-востока, набирая силу на протяжении более чем 300 км, и на последнем участке идет почти в меридиональном направлении с севера на юг. Река Пяндж также стекает с северо-востока, имеет почти ту же протяженность, но на последнем участке перед слиянием она течет с востока на запад.

Далее с севера Амударью питают крупнейшие притоки – Кафирниган, Сурхандарья, Шерабадарья, а с юга – всего лишь одна река Кундуз.

Однако вод этих рек далеко не достаточно для орошения всей территории Бактрийской равнины, протяженность которой в широтном направлении составляет около 400 км, и значительная часть которой представлена песчано-глинистыми пустынями. Особенно это касается левобережной части Бактрии, которая разбита обширными зонами песчаных пустынь на отдельные оазисы. Так, крупные южные бактрийские оазисы, такие как Балхский, отделены от левого низкого, неудобного для жизни, берега реки Амударьи сплошной зоной песков шириной не менее 30 км.

Правобережье Амударьи выглядит несколько иначе, здесь территория разделена почти меридионально идущими горными хребтами, такими как Кугитанг, Бабатаг, Тешик-таш. Поэтому узкие долины рек – притоков Амударьи зажаты между ними и вытянуты с северо-востока на юго-запад. Но даже здесь имеются зоны песчаных пустынь, разбивающих территорию на оазисы. Добавим, что правый берег реки Амударьи является высоким и коренным, зачастую имеет отвесные борта до 12 м высоты. Кроме того, именно здесь встречаются удобные участки с сетками хорошо развитых природных оврагов, которые в античное время активно использовались для строительства крепостей и городов с переправами.

Длина Амударьи от слияния Пянджа с Вахшем до выхода с территории Бактрийской равнины (верхнее течение) составляет 285 км. Выходя за пределы горного кольца, между совр. городами Келиф и Керки, Амударья протекает далее по районам песчаных пустынь Каракумов и Кызылкумов, образованных наносами самой реки за период со второй половины третичного периода. В эпоху максимального оледенения на протяжении второй половины третичного периода

Амударья текла по направлению к западу и несла свои воды в Хазарское море. Лишь в середине четвертичного периода под влиянием тектонических сдвигов и процессов накопления толщ собственных наносов река резко изменила направление на северо-северо-запад между совр. городами Келиф и Керки. Отрезок сохранившегося на протяжении 400 км русла древней Пра-Амударьи, называемый Келифским Узбоем (Герасимов, Ковда, Летунов 1952, 12), был использован в 1954–1959 гг. в строительстве первого участка Каракумского канала им. В.И. Ленина. Он соединял район средней Амударьи с дельтой р. Мургаб (бывшим левым притоком Пра-Амударьи) (рис. 1)².

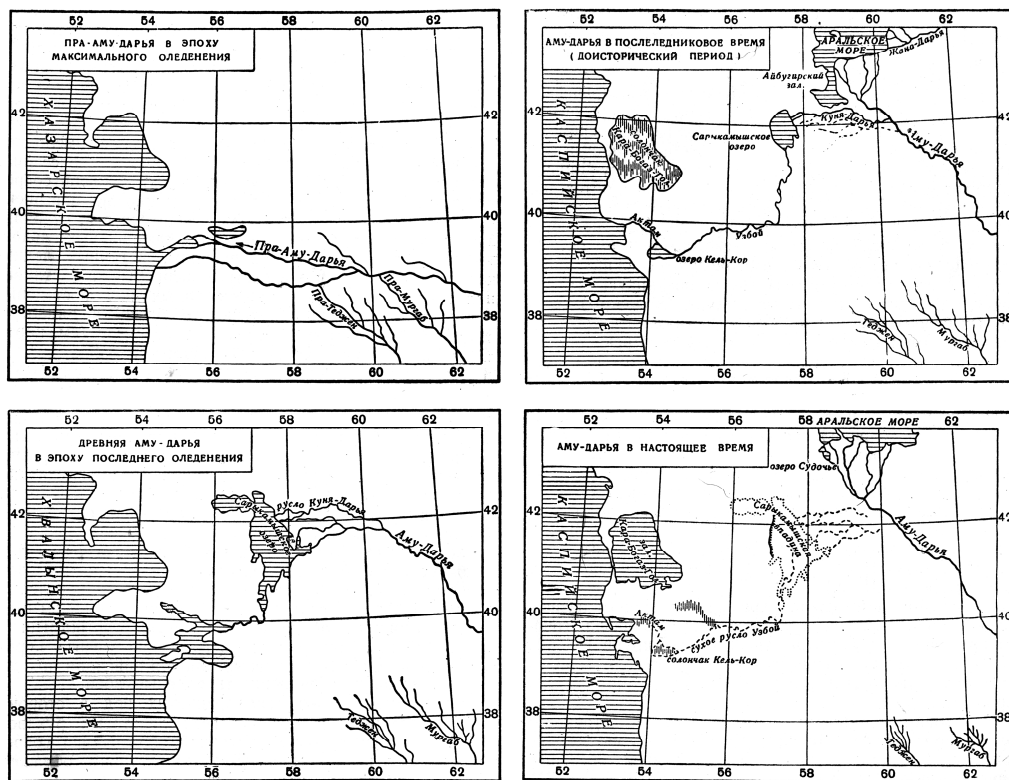

Рис. 1. Течение Пра-Амударьи.

² В статье Кошеленко, Гаибова и Бадера при подробном рассмотрении географии в районе Келифского Узбоя даются ссылки на литературу первой трети XX века (Кошеленко и др. 2000, 9). В ней говорится о второй версии происхождения Келифского Узбоя, где не учитывается магистральный уклон падения долины Пра-Амударьи с востока на запад даже в среднем и нижнем течении в 10 раз больший, чем у Волги, что и определяет буйный характер реки и стремительность ее течения (Герасимов, Ковда, Летунов 1952, 20). В связи с чем, по всей видимости, ее можно считать устаревшей. В свою очередь, рассмотренное авторами предположение Д.Д. Букинича о возможной обводненности части Келифского Узбоя (как бывшего ответвления р. Амударьи) в раннеантичный период и нам представляется на сегодня наиболее заслуживающим внимания (Букинич 1926).

Как отмечалось выше, исток проблемы северной границы Бактрии заключен в состоянии и интерпретации источников, в первую очередь, письменных.

Проблема накопления разногласий по интерпретации последовательности передачи сведений от первоисточников к более поздним авторам была рассмотрена историками еще в начале XIX в. Этот вопрос довольно подробно освещен в работах отечественных антиковедов, в частности, Л.П. Маринович (Маринович 1982, 22; 1993, 22–55). Так, отмечается, что специфика и менталитет европейских исследователей, в первую очередь немецких, на долгие годы вперед предопределил преимущественное развитие исторического направления с опорой на источники, которые черпали информацию в произведениях таких участников похода Александра Великого, как Птолемей и Аристобул. Источники, сформированные на основе сведений Клитарха, также предположительно одного из непосредственных участников великого похода, в большей степени ставились под сомнение и были отнесены к так называемой Клитарховой вульгате (простонародной, менее надежной)³.

Однако помимо субъективного подхода через призму реалий XIX века в основе неоднозначной картины лежало объективно сложное состояние, собственно, самих первоисточников, в первую очередь их фрагментарность и малочисленность. Чтению и интерпретации вторичных источников, их структуре, характеру заимствований и взаимовлиянию посвящена обширная литература. Историками разработаны схемы, отражающие развитие географической традиции античных авторов (Пьянков 1997, 285–288). Что касается рассматриваемой нами проблемы, наиболее полно ее состояние в современной научной литературе до начала XXI в. отражено в работе И.В. Пьянкова⁴.

Представляется необходимым рассмотреть в хронологической последовательности, как менялись основные взгляды античных авторов на рассматриваемую нами проблему.

В IV в. до н.э. в «Истории Персии» Ктесий указывает: «...на самом востоке находятся бактрийцы. С запада доступ на бактрийскую равнину преграждают горы, через которые ведут лишь узкие горные проходы. Бактрия простирается до Танаиса и Инда. Танаис отделяет ее от Европы, Инд – от Индии. Инд, по-видимому, течет с гор. Танаис, возможно, течет с тех же гор, но в сторону противоположную от Инда и впадает в Понт» (Пьянков 2013, 19).

В конце III в. до н.э. Эратосфен Киренский на основе данных историков Александра составляет орогидрографическую карту мира с расстояниями между городами (эта карта была реконструирована историками XIX в.). В ней Окс отделяет «бактрийцев и согдийцев, которые расположены выше и к востоку» (*Strab.* XI. 8. 8; *Eratosth.*, fr. IIIВ, 63, Berger). Однако не на всем протяжении своего течения, а только в западной части. Яксарт разделяет согдийцев и саков» (Пьянков 2013, 224).

³ Термин был введен немецким историком С. Рауном (Raun, 1868) и охватывал труды Диодора, Курция Руфа и Помпея Трога (в передаче Юстина).

⁴ Пьянков 2013. См. также: Кошеленко и др. 2000, 3–15.

Во II в. до н.э. древнегреческий историк Полибий в своей «Всеобщей истории» использует данные Эратосфена, где Окс «сильно увеличившись в Бактрии» не благодаря вливающимся в него водам, обильным и мутным потоком несетя по равнинной стране» (*Polyb.* X. 48. 4), т.е. не выступает разделителем (Пьянков 2013, 234).

Во II–I вв. до н.э. схема Эратосфена несколько меняется в работах Гиппарха Никейского и Посидония из Апаimei. Верхнее течение Окса и Яксарта направлено с востока на запад, Согдиана расположена к северу от Бактрии (Пьянков 2013, 224).

На рубеже эр и в I в. н.э. появляется основной корпус вторичных источников. К ним относятся произведения Страбона, Плиния Старшего, Курция Руфа, Помпея Трога, орогидрографическая схема Марина Тирского.

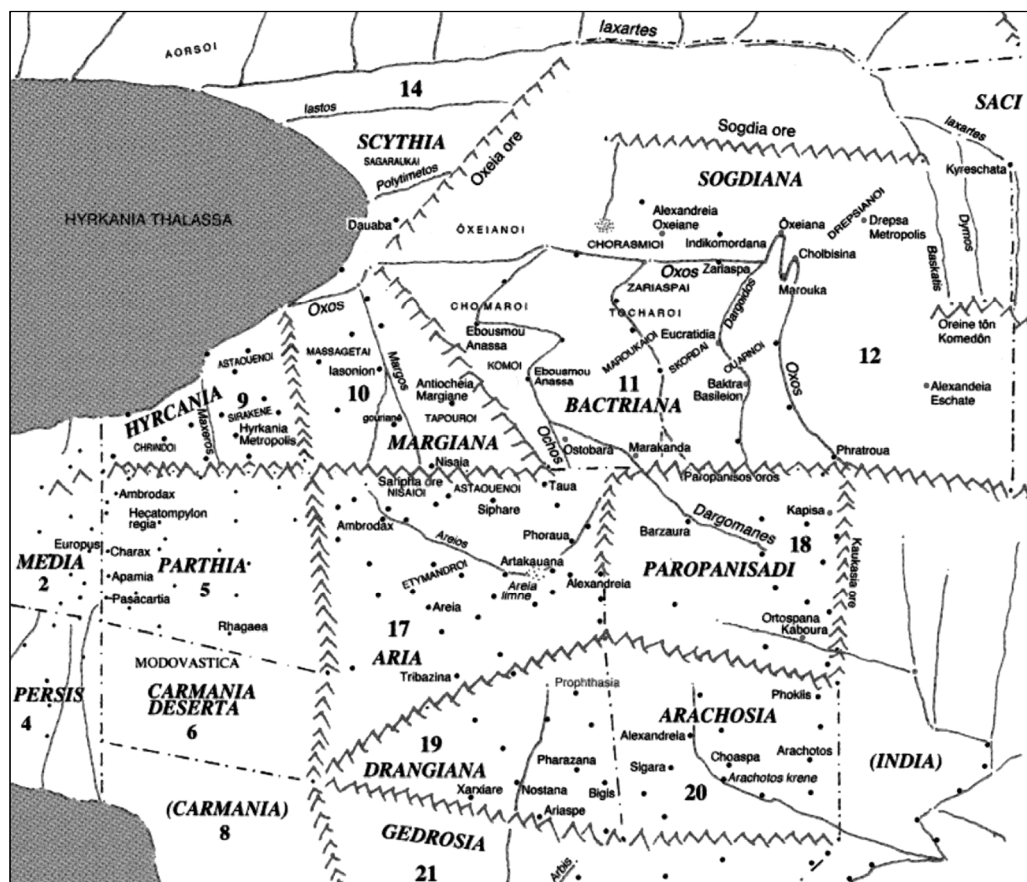

Рис. 2. Карта Клавдия Птолемея.

В «Географии» Страбона Окс разделяет бактрийцев и согдийцев, и последние расположены выше и к востоку (*Strab.* XI. 8. 8). Плиний Старший в своей «Естественной истории» пишет, что «этот народ (бактрийцы) занимает противополо-

ложную сторону горы Паропанис против истоков Инда и ограничивается рекой Окс» (*Plin. NH. VI. 48, 49*) (Пьянков 2013, 225).

Во II в. н.э. Флавий Арриан в своем сочинении «Поход Александра» указывает: «Окс течет с горы Кавказ; это самая большая река в Азии... Впадает Окс в большое море в Гиркании» (*Arr. Anab. III. 29. 2*).

В это же время Клавдий Птолемей составляет географическую карту (рис. 2), куда вносятся данные Марина Тирского, включившего новые сведения из итинерария Мая Тициана, почерпнутые из описания Великого шелкового пути (Пьянков 2013, 224, 225). В результате Бактриана предстает с севера и востока ограниченной рекой Окс, с юга – горами Паропаниса, с востока – горами, за которыми расположена Маргиана. При этом столица Согда Мараканда и Александрия Эсхата оказалась южнее Бактр, а река Политимет, основная артерия Согда, – в Скифии. Из чего следует, что карта Птолемея, несмотря на большую насыщенность деталями, представляла среднеазиатский регион в совершенно искаженном виде, гораздо запутаннее, чем источники периода раннего эллинизма.

Современная литература по вопросу северной границы Бактрии также чрезвычайно обширна. И.В. Пьянков провел критический анализ и утверждает, что на сегодня преобладающим и общепринятым является мнение о границе Бактрии, проходящей по горам Гиссара и Байсуна, а не по Амударье (Пьянков 2013, 227).

Необходимо отметить, что на формирование взглядов современных исследователей о северной границе Бактрии в какой-то мере повлияло то, что рассматриваемая область находится на территории четырех современных государств (Афганистан, Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан), в каждом из которых своя совершенно независимая история археологического изучения региона. А поскольку раскопки и разведки проводились многими научными учреждениями из разных стран, то, к сожалению, они зачастую плохо сопоставлялись и согласовывались.

Так, в 70-е гг. XX столетия Поль Бернар и Генри Франкфор высказали особое мнение о том, что проходящая по Оксу граница (на участке не выше впадения Кундуза), скорее всего, не делила единую культуру, но могла быть административной или политической (Bernard, Francfort 1978, 60, 69).

В последние годы новый всплеск внимания к проблеме был опять связан с работами французских коллег. Так Франц Грене и Клод Рапен отождествили Вахш с Оксом, а Пяндж с Охом (Grenet, Rapin 2001, 80–81; Rapin 2013, 43–79). Таким образом, все земли левобережья Вахша, т.е. к востоку и югу от него, были отнесены к Бактрии, а правобережье – к Согду. Их идею поддержал Л.М. Сверчков (Сверчков 2005, 74–83). С критикой этой концепции выступили Г.А. Кошеленко и В.А. Гаибов. В их версии река Ох отождествляется с Келифским Узбоем и никак не может быть отождествлена с Пянджем (Кошеленко, Гаибов 2006, 23–27). В последней работе, посвященной истории и исторической географии ранней Парфии, подчеркивается наличие в античной традиции нескольких рек под названием Ох, находившихся в Гиркании и в Бактрии (Балахванцев 2017, 18).

После рассмотрения письменных источников и существующих исторических концепций обратимся к состоянию археологического изучения Бактрии. К северу и к югу от Амударьи велись многолетние археологические исследования. Территорию Южной Бактрии сплошными разведками покрыли две экспедиции: DAFA (*Délégation Archéologique Française en Afghanistan*) и СААЭ (Советско-Афганская археологическая экспедиция). Если усилия первой были сосредоточены в основном на востоке – в провинциях Тохар, Кундуз, Бадахшан, Саманган и Балх, то советские археологи работали, главным образом, в западных провинциях от Балха до Герата. Суммарные итоги по выявленным памятникам были собраны в двухтомном каталоге археологических памятников Афганистана и опубликованы В. Боллом (Ball 1982). Он включил часть результатов СААЭ. Автор дал характеристику от 45 до 55 памятников, относимых ко времени от эпохи Ахеменидов до конца эллинистического периода⁵. Позднее И.Т. Кругликовой были опубликованы развернутые данные по археологическим разведкам, проводившимся в 1969–1979 гг. Советско-Афганской экспедицией (Кругликова 2005). Из более чем двухсот памятников, открытых СААЭ, двадцать шесть относятся к VI–II вв. до н.э. На территории Северной Бактрии (юг Узбекистана) многолетние плановые археологические разведки вели Институт искусствознания им. Хамзы, Термезский краеведческий музей, Институт археологии АН РУз. Полученные результаты вошли в каталог археологических памятников Сурхандарьи С. Страйда (Stride 2005)⁶. На части Северной Бактрии, расположенной в Таджикистане, исследования велись в основном Институтом истории, археологии и этнографии Таджикистана, их результаты не получили итогового обобщения.

Таким образом, археологические раскопки были проведены на десятках памятников в оазисах по обе стороны Амударьи⁷, что является достаточной выборкой для предварительных исторических обобщений, основанных на анализе материальной культуры. Результаты показали идентичность археологического комплекса и привели ученых к мнению о историко-культурном единстве древнего населения по обе стороны реки, начиная с эпохи БМАК и до похода Александра Македонского (Пидаев 1974, 37, Ставиский 1977, 36–41).

Однако окончательное решение проблемы для эпохи эллинизма чрезвычайно осложнялось фактом отсутствия исследованных на широкой площади памятни-

⁵ Всего в каталоге было описано более 2000 памятников, расположенных на всей территории современного Афганистана и датируемых самым широким временем от палеолита до позднего средневековья.

⁶ К сожалению, в диссертационном исследовании С. Страйда имеется много ошибок. И создание археологической карты по-прежнему, по мнению исследователей Северной Бактрии (Ш. Шадуллаев), остается насущной задачей.

⁷ Кызыл-тепа (Согдуллаев, Хакимов 1976, 24–30); Талашкан-тепе I (Заппаров, Ртвеладзе 1976, 19–24); Джандавлятепе, Пачмактепе (Пидаев 1974, 32–37); Джига-тепе (Пидаев 1984); Бактры (Gardin 1957) Бандыхан; Томошотепа (Абдуллаев 1977, 38–47); Балдай-тепа (Зеймаль 1971, 84–93); Калаи-мир, Мунчактепа, Хирмантепа (Дьяконов 1950, 25; 1954, 121–140, 164). В последние годы круг работ на памятниках ахеменидского времени расширился (Газимуллатепа, Бектепа, Киндыктепа, новые работы на Кызыл-тепа). Их отличает комплексный характер и более высокий технический уровень (Мокроброродов 2015, 112).

ков эллинистической эпохи на правобережье Амударьи, и всего одним памятником на левом берегу (городище Ай-Ханум). Лишь за последние два десятилетия на территориях к северу от реки ситуация принципиально изменилась. В частности, на юге республики Узбекистан были открыты и исследованы раннеэллинистические слои и объекты на крепости Кампыртепа (Болелов 2001; 2011; Двуреченская 2006; 2011; 2012; 2015), был обнаружен и полностью раскопан форт Курганзол (Сверчков 2007; 2013).

В 2013 г. на северо-западе Сурхандарьинской области в горах Байсуна были начаты стационарные исследования крепости Узундара⁸ (рис. 3)⁹. Здесь же, помимо ранее открытой крепостной стены Дарбанд¹⁰, была зафиксирована система фортификационных сооружений в виде отрезков стен протяженностью от 100 м до более чем 2 км, перекрывающая все возможные проходы для конницы через гору Сусизтаг, а также сигнальные башни, очевидно, объединенные с крепостью Узундара единым стратегическим замыслом¹¹ (рис. 4).

В отличие от ранее исследованных эллинистических памятников правобережья Амударьи крепость Узундара не перекрыта более поздними культурными слоями. Еще более важно, что ее богатый археологический комплекс и стратиграфия надежно датированы обширным нумизматическим материалом (от посмертного выпуска монет «александрова типа», Антиоха I и Антиоха II до монет всех греко-бактрийских царей)¹² (Ртвеладзе и др. 2014; Двуреченская и др. 2016; 2017).

Крепость Узундара была построена на горе Сусизтаг на высоте 1700 м над уровнем моря. Она состоит из основного отдельно стоящего ромбовидного в плане четырехугольника крепости, примыкающей к нему подтреугольной в плане цитадели, отрезка выносных стен и трех выносных башен. Общая протяженность крепостных стен до 1 км, площадь менее 2 га. Мощные фортификационные укрепления в виде двойных крепостных стен с внутренней галереей усилены на каждом изгибе башнями (по топографии их прослеживается не менее десяти) (рис. 5) (Двуреченская, Морозов 2017). Крепость расположена на узком – 220 м – перешейке между отвесными стенами урочища Кара-Камар и ущелья Узундара и предназначена для блокировки попытки обхода пограничной стены Дарбанда, расположенной в 7 км к северу. Предотвращение внезапного нападения кочевников со стороны каршинских степей являлось основной задачей крепости.

За пять лет исследований 2013–2017 гг. был впервые снят топографический план и создана предварительная 3-D модель эллинистической крепости

⁸ Крепость была открыта в 1991 г. Э.В. Ртвеладзе (Ртвеладзе 2002).

⁹ Рисунки 3–6 находятся на цветной вклейке.

¹⁰ Стена Дарбанда (или Дербента) Бактрийского была открыта Э.В. Ртвеладзе в 1985 г. (Ртвеладзе 1986; 1990; 1992; 2001; 2002; 2003). Позднее она исследовалась Институтом археологии АН РУз и CNRS (Франция) (Рахманов 1990; 1994; 1995; Рахманов, Рапен 2002; 2003; 2004).

¹¹ Готовится развернутая публикация открытых объектов, предварительные данные были представлены в серии докладов.

¹² На сегодня насчитывается сто двадцать девять эллинистических монет, полученных за период работ с 2013 по 2017 гг.

(τὸ φρούριον) на восточной окраине Ойкумены. За это время была практически полностью раскопана укрепленная и отдельно стоящая цитадель (τὸ φυλακτήριον)¹³ и составлен ее архитектурный план. Изучение системы фортификации, ее составных частей, архитектурных и строительных приемов, которые использовались при ее возведении, вкпе с данными стратиграфии и археологических комплексов Узундары выявило ее раннеэллинистический характер.

Так, выносные стены (τὰ περιτείχισμα), дополняющие укрепления основного объема крепости или города, использующие, как правило, особенности природного рельефа, широко применялись в Греции и не были известны в Бактрии до прихода греко-македонян. Также в архитектуре ахеменидского периода Бактрии неизвестны выносные башни и стены, перекрывающие значительные по площади пространства оазисов (Абдуллаев 1997, 57).

Площадь вскрытой археологическими раскопками цитадели составляет более 1700 кв. м. Центр ее занимает Скальный комплекс. Он представлял собой здание с двумя объемными подвалами. От наземной части здания сохранились северная фасадная стена длиной 17 м и две торцевые при максимально сохранившейся высоте до 1,25 м и длине до 14 м. Наземная часть стен сложена из обколотого камня средних размеров. Подвал № 1, прямоугольный в плане, размером 10×5, глубиной 4–4,5 м целиком вырублен в скальной породе. Подвал № 2, подовальный в плане, размером 9,4×7,7 м, глубиной 2,4 м, выполнен в комбинированной технике. Наиболее ранняя его часть в северо-восточном углу сложена из каменных блоков. Они имеют вытянутую подпрямоугольную форму близкую параллелепипеду, максимальные размеры 0,75×0,45 м. В высоту юго-восточная стена сохранилась на 1,2 м и представлена тремя рядами кладки (рис. 6).

Несмотря на почти полное отсутствие аналогий по каменной архитектуре эллинистического периода в Бактрии, отметим, что один из двух мавзолеев, расположенных у входа во дворец городища Ай-Ханум, а именно склеп и примыкающие помещения, был возведен из высеченных каменных блоков размерами от 0,6×0,4×0,4 м до 1,2×0,4×0,4 м. Наземная часть мавзолея выполнена из сырцового кирпича (Francfort, Liger 1976, 25–39, pl. III–V, XI, 2–XIV; Бернар 2014, с. 248, 250, рис. 16). П. Бернар сомневался в датировке, предложенной авторами раскопок этого героона, предлагая омолодить ее до первой половины II в. до н.э. Однако, на наш взгляд, характер архитектуры склепа, использование ионического ордера и месторасположение мавзолея в центре нижнего города позволяют согласиться с авторами раскопок и относить постройку к первой половине III в. до н.э. (Francfort, Liger 1976, 38). Так, близкие аналогии каменный склеп айханумского мавзолея находит в серии недавно открытых погребальных комплексов на территории Северного Причерноморья, в частности, в Крыму (Рукавишникова и др. 2019, с. 75–103, рис. 13–17).

Характер каменной кладки крепостных стен Узундары, толщиной до 3,5 м, по классификации Д.С. Крыжицкого, конструктивно относится к постелистым,

¹³ Детальное рассмотрение греческих терминов по фортификации эллинистического времени будет представлено в отдельной работе Ф.В. Шелова-Коведяева.

трехслойным, двухлицевым. Начало использования таких кладок относится к V–IV вв. до н.э. (Крыжицкий 1981, 36, 39–40, рис. 1, 11; 1982, 24, рис. 5, 1, 9). Стены такой конструкции в целом типичны как для фортификационных систем, так и для общественного и частного строительства во многих уголках эллинистического мира¹⁴.

Помимо строительных приемов и архитектурных традиций, об эллинистическом характере крепости Узундара свидетельствует обширный корпус индивидуальных находок, насчитывающий около двух тысяч предметов, в том числе представительный нумизматический комплекс, а также массовый керамический материал с большим числом полных археологических форм¹⁵.

Уже первый взгляд на полученные предметы материальной культуры крепости Узундара дает нам яркую характеристику быта греко-македонского гарнизона. Повседневная кухня отражает новые для Бактрии традиции в приеме пищи, в первую очередь это индивидуальная посуда, чаши и тарелки маленьких размеров. Блюда и напитки, привычные для эллинов, требовали появления новой посуды (кратеры, рыбные блюда, фиалы, амфориски, канфары, пиксиды и т.п.). И даже в военном гарнизоне, расположенном в суровых условиях, высоко в горах, в сервировке использовались расписные кувшины типа гидрий, кувшины с горельефными налестками протом богинь, богато орнаментированные мегарские чаши, маленькие керамические солонки, рыбные блюда с соусницами и небольшие тарелочки, кратеры для смешения вина с водой и т.д.

По обилию граффити на сосудах и находкам костяных палочек для письма – стилей из цитадели Узундара мы можем судить о грамотности воинов гарнизона.

Находки отдельных медных листочков с резным краем говорят об играх и состязаниях, которые сопровождались наградами для победителей в виде венков, изготовленных из драгоценных металлов или меди.

Новыми для культуры Бактрии являются такие детали интерьеров, как крупные терракотовые панели с горельефными изображениями геральдического плана.

Ярко характеризует быт контингента цитадели крепости Узундара обнаружение фрагментов от двух керамических ванн. Ранее целая керамическая ванна была обнаружена в крепости Курганзол в горах Байсуна. После находки нами фрагментов нескольких керамических ванн в крепости Кампыртепа, расположенной на переправе через Окс, этот предмет гигиены можно считать неотъемлемой характеристикой раннеэллинистического быта в крепостях Бактрии.

Наконец, отметим, что число монет с территории этой небольшой крепости позволяет утверждать, что воины гарнизона получали и тут же тратили свое жалованье. Об этом свидетельствует торговая площадка (рис. 5), кото-

¹⁴ В городах Северного Причерноморья: Фанагория (Кобылина 1983, 54.), Неаполь Скифский (Колтухов 1990, 180, рис. 2), Батарейка II (Сокольский 1967, 110), Парфений (Столяренко 2013, 54–55, рис. 1), Илурат (Горончаровский, Виноградов 2008, 229); на Ближнем Востоке: Дур-Европос (Лериш 2003, 301); в Индии: эллинистический Барикот (Гандхара) (Калльери 1993, 133).

¹⁵ В настоящее время материал готовится к изданию в виде отдельной монографии.

рая была зафиксирована вблизи входных ворот крепости (Двуреченская 2018, 175–178). Сюда стекались жители окрестных селений долины, чтобы продать свою сельскохозяйственную или ремесленную продукцию и получить деньги, в которых они нуждались в первую очередь для уплаты государственных налогов.

Здесь были обнаружены монеты самого различного номинала и времени. К наиболее ранним относится серебряная драхма – посмертный выпуск Александра, выпущенная в 310–301 гг. до н.э. в малоазийском полисе Лампсак. Однако наибольшее число найденных монет – медные, в том числе очень мелкого номинала, такие, как гемихалк Антиоха I. Монетами этого правителя датируются нижние слои цитадели Узундара.

В нумизматической коллекции крепости Узундара широко представлены монеты почти всех царей Греко-Бактрии самых разных номиналов. Необходимо отметить, что по количеству монеты Евтидема значительно превосходят монеты всех остальных царей (79 экземпляров). Учитывая это, а также зафиксированные полномасштабные перестройки на время правления Евтидема на цитадели и крепостных стенах фруриона, можно предполагать повышенную активность в реструктуризации и использовании ранее отстроенной фортификационной системы в последней трети III в. до н.э.

Пограничная крепость Узундара являлась основным узлом в протянувшейся на десятки километров разветвленной фортификационной системе защиты северных границ земледельческих оазисов древней Бактрии. Возведение ее относится ко времени не позднее начала III в. до н.э., когда сюда прибыл соправитель Селевка Никатора, его сын Антиох I. В своей развернутой деятельности по наведению порядка в Верхних сатрапиях Антиох I использовал последние достижения в архитектуре, инженерии и военно-стратегическом планировании, а также картографии. Иначе нельзя объяснить столь сложный узел взаимосвязанных, грандиозных по масштабам строительства каменных фортификационных объектов (пограничная стена Дарбанд, крепость Узундара, крепостные стены и сигнальные башни на горе Сусизтаг и у поселка Сайроб), сконцентрированных в районе так называемых Железных ворот, где находились горные проходы в плодородные долины Северной Бактрии.

Градостроительная политика Александра и Селевкидов выражается в возведении многочисленных городов и крепостей на стратегических узлах дорог, горных перевалов и речных переправ, где размещались военные гарнизоны. Они строились с использованием ряда характерных строительных приемов и архитектурных планов и элементов, которые объединяют бактрийские памятники с ближневосточными и греческими.

Гарнизон, расквартированный в крепости Узундара в период ранних Селевкидов, выполнял две задачи: с одной стороны, защита границ Бактрии от угрозы нашествия кочевников с севера и северо-запада, а с другой – предотвращение мятежа местного населения и поддержание порядка. Такие функции имели все аналогичные гарнизоны *φρουραί*, размещенные на обширных пространствах Селевкидской империи (Бикерман 1985, 52).

После создания Греко-Бактрийского царства крепость Узундара, пережив значительную перестройку и ремонты, продолжает защищать северные границы Бактрии, а ее гарнизон исправно получает денежное жалование и прочее довольствие от всех греко-бактрийских царей, начиная с Диодота и заканчивая Евкратидом. Его главной задачей являлось предотвращение внезапного прорыва кочевников в плодородные долины рек Шерабаддарья и Сурхандарья.

Таким образом, сегодня мы располагаем новым корпусом данных, полученных за пять лет исследований крепости Узундара, который позволяет разрубить гордиев узел противоречий. Предложенные французскими коллегами в начале двухтысячных годов версии размещения границы Бактрии по Вахшу и Амударье с отнесением долин Шерабаддарья, Сурхандарья и Кафырнигана к Согду следует решительно отвести. Наличие эллинистической крепости Узундара, гарнизон которой на протяжении III в. до н.э. получал денежное довольствие от греко-бактрийских царей, снимает сомнения о принадлежности этой территории Бактрийскому государству. Северная граница Бактрии в эллинистическую эпоху (конец IV / начало III вв. до н.э. – середина II вв. до н.э.) проходила по горам Гиссарского хребта на севере и его отрогам – Байсунским горам на северо-западе, в частности, по горам Сарымас и Сусизтаг. Эта ранее озвученная гипотеза на сегодняшний день представляется достаточно обоснованной археологическими материалами для перевода ее в эмпирическое обобщение или фактическое историческое сведение.

Литература

Абдуллаев К. 1997: О северных рубежах государственной границы Бактрии в эллинистическую эпоху // РА. № 4.

Балахванцев А.С. 2017: Политическая история ранней Парфии. М.

Бернар П. 2014: Открытие и раскопки эллинистического городища Ай-Ханум в Афганистане // Археология и история Центральной Азии в трудах французских ученых. Т. I. Самарканд.

Бикерман Э. 1985: Государство Селевкидов. М.

Болелов С.Б. 2001: Гончарная мастерская III–II вв. до н.э. на Кампыртепа (К вопросу о керамическом производстве и организации ремесла в Северной Бактрии эпохи эллинизма) // МТЭ. Вып. 2.

Болелов С.Б. 2011: Производственный центр эпохи эллинизма на цитадели Кампыртепа // МТЭ. Вып. 8.

Букинич Д.Д. 1926: Старые русла Окса и Амударьинская проблема (В связи с вопросом обводнения Келифского Узбоя и Дарьялыка) // Библиотека хлопкового дела. Кн. IV. Л.

Виноградов Ю.А., Горончаровский В.А. 2008: Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – III в. н.э.). СПб.

Герасимов И.П., Ковда В.А., Летунов П.А. 1952: Главный Туркменский канал. М.

Двуреченская Н.Д. 2006: Итоги археологических работ 2004–2005 гг. в жилом квартале-блоке 5 в северо-западной части Кампыртепа) // МТЭ. Вып. 6.

Двуреченская Н.Д. 2011: Раннеэллинистический жилой комплекс бактрийской крепости Кампыртепа // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. IV (дополнительный). М.

Двуреченская Н.Д. 2012: Масштабное сооружение раннеэллинистического периода на Кампыртепа // ПИФК. № 4.

Двуреченская Н.Д. 2015: Предварительные материалы археологических работ 2014 г. на крепости Узундара // ПИФК. № 1.

Двуреченская Н.Д. 2015: К вопросу о раннеэллинистической керамике Бактрии (по материалам закрытого комплекса из террасного дома Кампыртепа) // ЗВОРАО. Т. III (XXVIII).

Двуреченская Н.Д. 2018: К методике полевых исследований в горной местности (на примере эллинистической крепости Узундара) // КСИА. № 251.

Двуреченская Н.Д., Горин А.Н., Шейко К.А. 2016: Монеты из крепости Узундара // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Т V. М.

Двуреченская Н.Д., Горин А.Н., Шейко К.А. 2017: Монеты из крепости Узундара (по результатам работ 2015 г.) // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 12.

Двуреченская Н.Д., Морозов П.А. 2017: Результаты георадарной разведки на крепости Узундара в 2014 году // Археология и геоинформатика. Вторая международная конференция АГИС. Вып. 8. М. (Издание на компакт-диске (DVD): file://D:/Dvurech/page1.html).

Дьяконов М.М. 1950: Работы Кафырниганского отряда // МИА. № 15.

Дьяконов М.М. 1954: Сложение классового общества в Северной Бактрии // СА. № 3.

Заппаров Ш.Х., Ртвеладзе Э.В. 1976: Раскопки древнебактрийского поселения Талашкан-тепе I // Бактрийские древности. Л.

Зеймаль Т.И. 1971: Древнеземледельческое поселение Болдай-тепе // МКТ. Вып. 2.

Калльери П.-Ф. 1993: Раннеисторический Сват: пример аккультурации // ВДИ. № 2.

Кобылина М.М. 1983: Страницы ранней истории Фанагории // СА. № 2.

Колтухов С.Г. 1990: Новые материалы к периодизации и реконструкции оборонительных сооружений Неаполя Скифского // СА. № 2.

Кошеленко Г.А. 2007: Новые документы из Бактрии позднеахеменидского и раннеэллинистического времени. (Sh. Shaked. Le satrape de Bactriane et son gouverneur. Documents araméens du IVe s. avant notre ère provenant de Bactriane. P., 2004 (Persika. 4) // ВДИ. № 2.

Кошеленко Г.А., Гаилов В.А., Бадер А.Н. 2000: Александр Македонский в Маргиане // ВДИ. № 1.

Кошеленко Г.А., Гаилов В.А. 2006: В защиту Александрии Маргианской // ПИФК. Вып. XVI/1.

Кругликова И.Т. 2005: Разведка археологических памятников, проводившаяся сотрудниками Советско-Афганской археологической экспедицией на севере и северо-западе Афганистана в 1969–1976 гг. // ПИФК. XV.

Крыжицкий Д.С. 1981: О принципах классификации античных кладок Северного Причерноморья // КСИА. Вып. 168.

Крыжицкий Д.С. 1982: Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). Киев.

Лериш П. 2003: Дура-Европос: итоги работ франко-сирийской экспедиции (1986–2001) // Парфянский выстрел / под ред. Г.М. Бонград-Левина, Ю.Н. Литвиненко. М.

Маринович Л.П. 1982: Время Александра Македонского // Источниковедение древней Греции (эпоха эллинизма). М.

Маринович Л.П. 1993: Греки и Александр Македонский. М.

Мокроброродов В.В. 2015: История и основные проблемы археологического изучения Средней Азии «Ахеменидского» времени (на примере территорий с юга современного Узбекистана) // ПИФК. № 1 (47).

Пидаев Ш.Р. 1974: Материалы к изучению древних памятников Северной Бактрии // Древняя Бактрия. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л.

Пидаев Ш.Р. 1984: Керамика Джига-тепе (из раскопок 1976 г.) // Древняя Бактрия. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. Вып. 3. М.

Рахманов Ш.А. 1990: Пограничная стена Бактрии и Согда. Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда // Тезисы докладов советско-французского коллоквиума. Ташкент.

Рахманов Ш.А. 1994: Новые данные о стене на Железных воротах // ОНУ. № 1–2.

Рахманов Ш.А. 1995: Оазисные стены Бактрии-Тохаристана // Городская культура Бактрии-Тохаристана. Тезисы докладов конференции. Самарканд.

Рахманов Ш.А., Рапен К. 2000: О локализации Железных ворот // Археология, нумизматика и эпиграфика средневековой Средней Азии. Самарканд.

Рахманов Ш.А., Рапен К. 2002: О локализации Железных ворот // Культурное наследие Средней Азии. Ташкент.

Рахманов Ш.А., Рапен К. 2003: Железные ворота // Труды БНЭ. Выпуск I. Ташкент.

Ртвеладзе Э.В. 1975: К характеристике памятников Сурхандарьинской области ахеменидского времени // РА. № 2.

Ртвеладзе Э.В. 1976: Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана // Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л.

Ртвеладзе Э.В. 1987: Новые бактрийские памятники на юге Узбекистана // ИМКУ. Вып. 21.

Ртвеладзе Э.В. 1986: Стена Дарбанда Бактрийского // ОНУ. № 12.

Ртвеладзе Э.В. 1990: Из недавних открытий Узбекстанской искусствоведческой экспедиции (УзИскЭ) в Северной Бактрии-Тохаристане // ВДИ. № 4.

Ртвеладзе Э.В. 2001: К вопросу о петрах // Древняя и средневековая культура Сурхандарьи / Под ред. Э.В. Ртвеладзе, Ш.Р. Пидаева. Ташкент.

Ртвеладзе Э.В. 2002: Александр Македонский в Бактрии и Согдиане. Ташкент.

Ртвеладзе Э.В. 2003: Дар-и Аханин – Дарбанд // Труды БНЭ / Вып. I. Ташкент. <http://www.alexarapov.narod.ru/Library/bbl073.html> (дата обращения 25.02 2019)

Ртвеладзе Э.В. 2009: Греко-Бактрийское царство // История государственности Узбекистана (вторая половина II тысячелетия до нашей эры – III век нашей эры). Т. 1 / Отв. ред. Э.В. Ртвеладзе, Д.А. Алимова. Ташкент.

Ртвеладзе Э.В., Двуреченская Н.Д. 2015: Узундара – эллинистическая крепость в Бактрии (материалы рекогносцировочно-разведывательных работ 2013 г.) // Археология Узбекистана. № 2 (11). Самарканд.

Ртвеладзе Э.В., Двуреченская Н.Д., Горин А.Н., Шейко К.А. 2014: Монетные находки из крепости Узундара // КСИА. № 133.

Рукавишников И.В., Бейлин Д.В., Федосеев Н.Ф. Археологические исследования кургана № 4 курганной группы Цементная слободка 1 в Керчи // Крым – Таврида. Т. 1. М.

Сагдуллаев А.С., Хакимов З. 1976: Археологическое изучение городища Кызыл-тепе // Бактрийские древности. Л.

Сверчков Л.М. 2005: Александр Македонский в Маргании // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов. Археология, история, этнология, культура. Материалы меж-

дународной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.М.Беле-
ницкого. СПб. 2–5 ноября 2004 г. СПб.

Сверчков Л.М. 2005: Байсун. Опыт исторической реконструкции // Труды БНЭ. Вып. 2. Ташкент.

Сверчков Л.М. 2007: Эллинистическая крепость Курганзол // Труды БНЭ. Вып. 3. Ташкент.

Сверчков Л.М. 2013: Курганзол – крепость Александра на юге Узбекистана. Ташкент.

Сокольский Н.И. 1967: Крепость на поселении Батарейка II // КСИА. Вып. 109.

Ставиский Б.Я. 1976: О северных рубежах Кушанской Бактрии // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). Л.

Ставиский Б.Я. 1977: Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М

Столяренко П.Г. 2013: Новые данные об архаичной оборонительной стене Парфения // Боспорский феномен. СПб.

Ball W. 1982: Archaeological gazetteer of Afghanistan. Catalogue des sites archéologiques d'Afghanistan. Paris.

Bernard P., Francfort H. 1978: Études de géographie historique sur la plaine d'Aï Khanoum (Afghanistan). Paris.

Francfort H.P., Liger J.-Cl. 1976: Fouilles d'Aï Khanoum (Aghanistan): Campagne de 1974. L'Hérôon au caveau de pierre // BEFEO. T. LXIII.

Gardin J.-C. 1957: Céramiques de Bactres // MDAFA. T. XV.

Grenet F., Rapin C. 2001: Alexander, Aï Khanum, Termez: Remarks on the Spring Campaign of 328 // BAI. Vol. 12.

Rapin C. 2013: On the way to Roxane. The route of Alexander the Great in Bactria and Sogdiana (328–327 BC) // Zwischen Ost und West Neue Forschungen zum antiken Zentralasien. Wissenschaftliches kolloquium 30.09.–02.10.2009 in Mannheim / G. Lindström, S. Hansen, A. Wieszorek, M. Tellenbach (Hrsg.). Darmstadt.

Raun C. 1886: De Clitarcho, Diodori, Curtii, Justini auctore. Bonn.

Stride S. 2005: Géographie archéologique de la province du Surkhan Darya (Ouzbékistan, Bactriane du nord). Paris.

ЖЕЛЕЗНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ КРЕПОСТИ УЗУНДАРА III–II вв. до н.э.¹

Резюме: В публикации рассматривается серия железных наконечников стрел, происходящих с территории крепости Узундара. Данное укрепление являлось опорным пунктом северо-западной пограничной линии обороны территории Бактрии, функционировавшим с конца IV до середины II в. до н.э. Типологический анализ состава узундаринских железных наконечников стрел позволяет датировать их III–II в. до н.э.

Ключевые слова: Узундара, железные наконечники стрел.

Summary: This publication describes a series of iron arrowheads originated from the territory of the fortress Uzundara. This fortification was one of the footholds of the North-West line of defense of the territory of Bactria; it functioned from the end of the 4th century BC to the middle of the 2nd century BC. Typological analysis of the composition of Uzundara's iron arrowheads attributes them to the period of the 3rd–2nd century BC.

Keywords: the fortress Uzundara, iron arrowheads.

Комплекс наступательного вооружения античной Средней Азии не раз затрагивался в работах отечественных исследователей (Горбунова 2000; Кожобердиев, Худяков 1987; Литвинский 1965, 1966, 1968, 1984, 2001; Литвинский, Пичикян 1981, 1993; Никоноров 1986, 1987, 1992, 1995; Обельченко 1961; 1978, 1998; Пичикян 1980, 1986). Анализу подвергались преимущественно материальная культура среднеазиатских кочевников или отдельные виды наступательного вооружения, охватывающие широкие хронологические и территориальные рамки (Литвинский 1965, 1966, 1968, 1984, 2001). В этой связи отдельно следует отметить публикацию всего комплекса, происходящего из «Храма Окса», где дана блестящая историографическая подборка, затрагивающая эволюцию вооружения древней Бактрии в ее генезисе и развитии. Однако характер предметов с Тахти-Сангина не имеет, как правило, четкой стратиграфии, а, следовательно, не позволяет рассматривать этот комплекс как эталонный для выстраивания четкой хронологии древнебактрийского оружия (Литвинский, 2001).

В этой связи комплекс вооружения, происходящий с территории пограничной крепости Узундара, обладает уникальными свойствами хорошо датированной серии, где находки имеют ясный стратиграфический и планиграфический контекст. Особенностью данного комплекса также является то, что перед нами предметы, иллюстрирующие военный быт гарнизона селевкидской и греко-бактрийской крепости, что позволяет рассматривать эту серию предметов в рамках четкого функционального контекста.

Как показали исследования на территории памятника, проводившиеся в 2013–2017 гг., крепость Узундара являлась опорным пунктом (погранзаставой) северо-западной линии обороны территории Бактрии, функционировавшей с

¹ Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 18-09-00227.

конца IV до середины II в. до н.э. По всей видимости, гарнизон крепости выполнял функцию контроля за прилегающими линиями крепостных стен, перекрывавших проходы через ущелья горы Сусизтаг на территорию долинных районов Северной Бактрии. Основным противником, по мнению Н.Д. Двуреченской, являлись носители кочевнических культур северо-западных по отношению к античной Бактрии территорий (Dvurechenskaya 2016).

На момент окончания полевого сезона 2017 г., комплекс вооружения, происходящий с территории памятника, насчитывал свыше трехсот наконечников стрел, более двухсот каменных ядер пращи, серию втоков и наконечников дротиков (17 экз.), несколько фрагментов бронзовых и железных панцирных пластин и детали конской упряжи.

Вся серия предметов вооружения и конского снаряжения может быть разделена на две группы по характеру обнаружения. Первая группа происходит непосредственно из слоев крепости и имеет четкую стратиграфическую и планиграфическую привязку (около 250 находок). Вторая группа находок получена при сплошных планшетных сборах, проводившихся преимущественно за пределами крепостных стен, и имеет четкую топографическую и планиграфическую привязку. К этой группе преимущественно относятся наконечники стрел, которые могли иллюстрировать как боеприпас защитников крепости, так и снаряжение их противников. Многочисленные наконечники стрел, обнаруженные за пределами стен, имеют характерную деформацию в виде согнутого кончика острия, которая могла образоваться при попадании наконечника в каменные стены укреплений при их обстреле. Это может косвенно говорить о следах боевых столкновений, которые происходили в период функционирования крепости.

Кроме того, следует отметить, что предметы, обнаруженные при планшетном сборе за пределами крепости, могут быть разделены на три хронологических этапа по составу наконечников стрел. К первому этапу следует отнести бронзовые наконечники стрел, датированные VI–IV вв. до н.э., хорошо известные по аналогиям степного круга древних среднеазиатских историко-культурных областей. Они иллюстрируют военную активность на данной территории в период до возведения крепостных стен, изученных нашей экспедицией. Второй период характеризуется материальной культурой, совпадающей со временем функционирования крепости Узундара. Это преимущественно мелкие черешковые железные наконечники стрел и фрагменты дротиков, которые обнаружены как на территории самой крепости, так и в ее окрестностях при планшетных сборах. Третья группа предметов вооружения относится к средневековому периоду и характеризуется наконечниками стрел, датируемых IX–XIII вв. н.э. Эта группа также может косвенно свидетельствовать, что ущелье Узундара и непосредственно территория некогда существовавшей крепости являлись зоной ведения боевых действий и воспринимались как ключевой пункт обороны долины Сурхандарьи от потенциальной внешней опасности. В этой связи хочется отметить, что среди предметов, обнаруженных при планшетном сборе, были найдены также многочисленные гильзы и пули конца XIX и первой трети XX в. от гладкоствольного и нарезного огнестрельного оружия, которые выпали в грунт на этой террито-

рии. Все вышесказанное позволяет утверждать, что Узундара в силу своей топографии являлась во все времена удобным участком обороны и зоной ведения боевых действий.

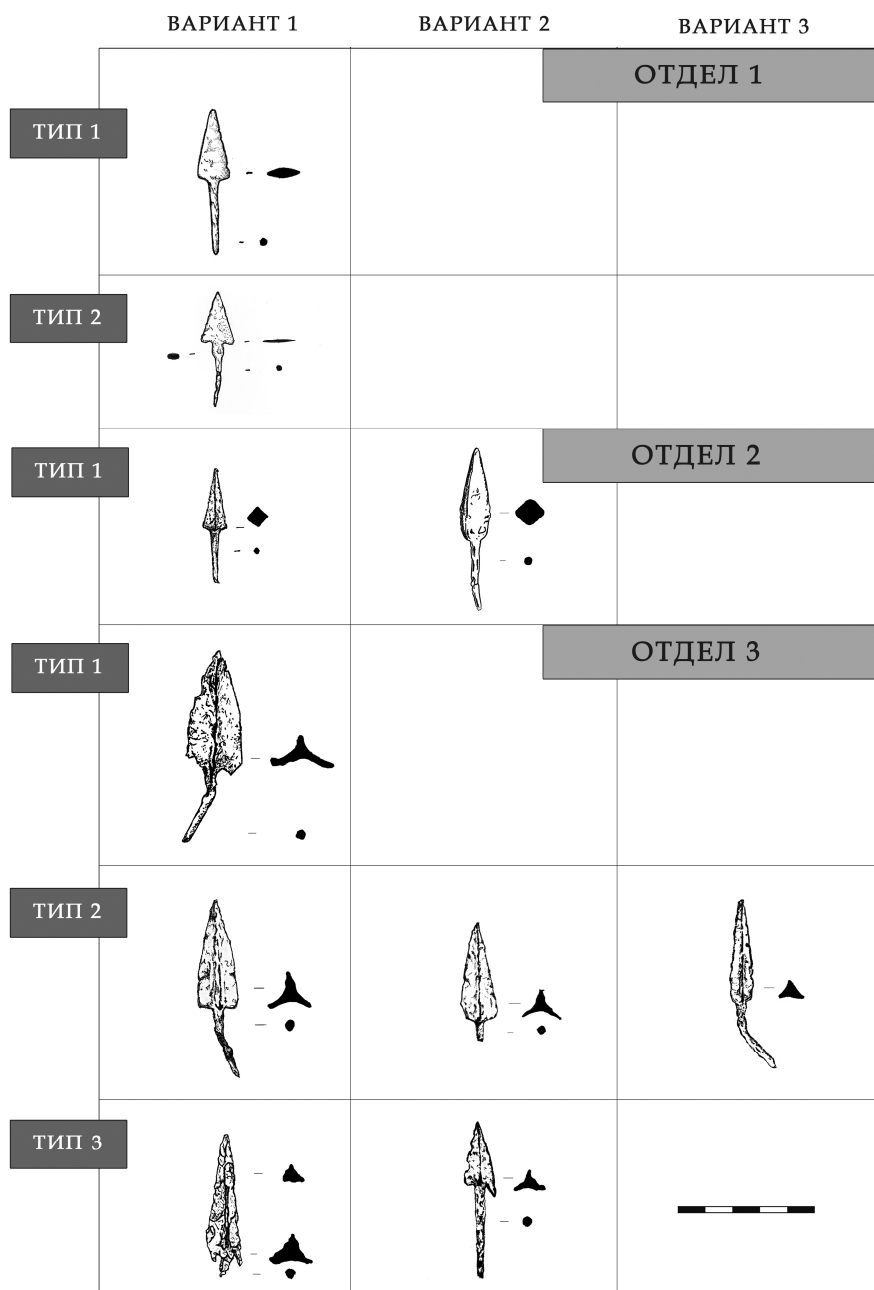

Рис. 1.

На площади крепости и прилегающей к ней зоне обнаружено 323 наконечника стрел и арбалетных болта. Все наконечники делились на два класса по материалу: бронзовые (22 экз.) и железные (301 экз.). Среди железных выделяется 37 средневековых наконечников.

Целью данной работы является представить предварительную систематизацию железных наконечников стрел, за исключением средневековых. Расширенное рассмотрение истории происхождения и эволюции железных наконечников стрел малых размеров, а именно такие образцы составляют подавляющую массу, пришедших на смену бронзовым наконечникам, рассмотрение всех типов и вариантов типов в контексте культурных слоев крепости Узундара будет дано в качестве приложения к готовящейся монографии Н.Д. Двуреченской – «Страж Бактрии (филактерион крепости Узундара)». Бронзовые наконечники частично были опубликованы ранее (Двуреченский 2017).

Из 264 железных наконечников стрел, обнаруженных в полевые сезоны 2013–2017 гг. и относящихся ко времени бытования крепости, только 216 были включены в типологию. Один наконечник являлся заготовкой, и 47 представляли собой плохо сохранившиеся аморфные фрагменты. При систематизации всего комплекса наконечников стрел проводились графическая фиксация, обмеры и взвешивание. Для удобства восприятия все наконечники стрел крепости Узундара будут приведены в традиционной, несколько модифицированной схеме описания. Наконечники, выполненные из железа, были разделены на группы по характеру насада, на отделы по характеру сечения боевой части, на типы по форме головки наконечника, на варианты по форме острия, наличию шипов и прочих добавочных элементов (рис. 1).

Железные наконечники

Группа 1, отдел 1, тип 1

Плоские (двухлопастные) наконечники с треугольным пером, основание которого переходит к черешку под прямым углом. С территории крепости происходят 7 экземпляров. Из них четыре происходят из помещения 2 и слоя двора вокруг «скального комплекса» – центрального здания цитадели, датированные серийой монет Евтидема I и Деметрия I. Высота наконечника 25–36 мм, высота пера 18–23 мм. Притом, что наиболее ранние плоские наконечники стрел встречаются в комплексе Ай-Ханума, все они имеют форму боевой части с опущенными жальцами и датируются временем до 30-х гг. II в. до н.э. (Grenet, Liger 1980, 65–58). Лишь в комплексе из храма Диоскуров в Дильберджине известен аналогичный описанному выше типу образец, который относится разными авторами от времени Евкратиды до конца I–II в. н.э. (Кругликова 1986, 41–44, 63, рис. 34–35; Литвинский 2001, 83, табл. 27, 9). Таким образом, серия наконечников, происходящих из филактериона крепости Узундара, позволяет датировать появление данного типа временем не ранее последней трети III в. до н.э. – начала II в. до н.э.

Группа 1, отдел 1, тип 2

Плоские наконечники с треугольным пером, основание которого переходит к черешку под острым углом, образуя жальца. С территории крепости происходят 2 экземпляра. Из них один из слоя завала помещения 2, сопровождающийся монетами Евтидема I и Деметрия I. Высота 27–36 мм, перо 18 мм. Наиболее близкой аналогией являются стрелы из айханумского арсенала, датированные временем до 30-х гг. II в. до н.э. (Grenet, Liger 1980, 65–58).

Группа 1, отдел 2, тип 1.

Бронебойные, или граненые наконечники. Всего к данному отделу и типу относилось 22 наконечника. Выделяется два варианта.

Тип 1, вариант 1. Бронебойные пирамидальные, с переходом к черешку под прямым углом. Выделяются два подварианта с квадратным и треугольным сечением. Всего отнесено к этому варианту 12 экз. Высота наконечников с сохранившимся черешком 37 мм, высота боевой части 20–23 мм. Обычно, по типологиям наконечников стрел трехгранные и четырехгранные наконечники относятся к разным типам, но из-за малого количества трехгранных, происходящих с территории крепости Узундара, мы посчитали возможным отнести их к одному варианту. Наиболее близкой аналогией по массоразмерным и морфологическим характеристикам являются стрелы из арсенала Ай-Ханум, датированные временем не позднее 30-х гг. II в. до н.э. Все они четырехгранные и представлены в арсенале шестью экземплярами (Grenet, Liger 1980, 56–58, табл. 22). Трехгранные наконечники стрел наиболее характерны для савроматских и сарматских культур и в Средней Азии не получили большого распространения (Машкова 1963, 32). В IV–II вв. до н.э. такие наконечники известны в могильниках Узбоя (Юсупов 1986, 51, 99, рис. 12, 36). Многие из них отличаются округлым основанием, что не позволяет видеть в них прямую аналогию нашим образцам. По материалам Тахти-Сангина, аналогичные наконечники относятся к средним и крупным формам, что, в свою очередь, говорит о более поздней их датировке. Четырехгранные наконечники, происходящие из Тахти-Сангина, также относятся к более позднему времени из-за своих массоразмерных характеристик (Литвинский 2001, 107–111). Близкой аналогией железным четырехгранным наконечникам пирамидальных очертаний являются экземпляры, происходящие из Таксилы, где они датированы III–II вв. до н.э. (Marshall 1951, 548).

Тип 1, вариант 2. Бронебойные бипирамидальные, квадратного сечения наконечники. Всего к данному варианту относятся 10 экземпляров. Высота наконечника 37 мм, высота боевой части 20–23 мм. Среди четырехгранных наконечников, происходящих из Ай-Ханум, известны и бипирамидальные образцы. Г.П. Франкфор предполагал, что они могли относиться к чисто греческим, ссылаясь на материалы из Олинфа, датируемые серединой IV в. до н.э. (Frankfort 1984, 66). Принципиальным отличием от предполагаемых греческих прототипов являются более мелкие размеры и менее проявленная форма (Robinson 1941, 392–397).

Группа 1. Отдел 3. Трехлопастные черешковые железные наконечники стрел. К этому отделу отнесено 184 наконечника, что составляло от общей мас-

сы определимых экземпляров 86%. Именно такие наконечники стрел в отечественной и зарубежной литературе рассматриваются как основной тип, пришедший на смену бронзовым наконечником сако-скифской эпохи. Появление таких наконечников в историографии связывалось с восточными областями Евразии, где с VIII–VII вв. до н.э. сохранялась традиция изготовления бронзовых черешковых наконечников стрел (Граков 1930, 65). К.Ф. Смирнов придерживался иной точки зрения, полагая, что костяные наконечники стрел, бытовавшие в За-волжье и Приуралье, могли породить появление железных черешковых стрел, которые в свою очередь проникли позднее в Среднюю Азию и Прикамье (Смирнов 1961, 65). В любом случае, появление кованых железных наконечников стрел у савроматов относится ко времени не позднее V в. до н.э. Однако, по мнению А.М. Хазанова, на протяжении большей части IV в. до н.э. в Поволжье они вообще неизвестны, а в Южном Приуралье встречаются очень редко. Примечательно, что железные трехлопастные наконечники стрел начинают доминировать и окончательно вытесняют бронзовые втульчатые наконечники лишь только во II в. до н.э. (Хазанов 1971, 36). В любом случае, можно констатировать, что существует мнение о стабильной преемственности в развитии этого отдела наконечников стрел в савроматское и раннесарматское время.

Своя историография по развитию железных трехлопастных наконечников стрел существует для Средней Азии (Сорокин 1956, 10–13; Обельченко 1956, 221–222). По мнению Б.А. Литвинского, лишь к середине 60-х гг. накопился достаточно представительный материал, который позволил подойти к первичной систематизации. В 1965 г. выходит работа, которая стала на многие годы базисной при определении и систематизации среднеазиатских железных наконечников, значительно обновленная в 2001 г. (Литвинский 1965; 2001). Наблюдение за генезисом черешковых железных наконечников стрел показывает, что на протяжении VIII–IV вв. до н.э. в Средней Азии отмечается существование бронзовых черешковых стрел с аналогичными железными (Литвинский 2001, 91). Собственно, мелкие трехлопастные железные черешковые наконечники стрел, по мнению целого ряда исследователей, начинают доминировать к III–II вв. до н. э. (Обельченко 1961, 137). Однако появление их может относиться и к более раннему времени (Литвинский 1960, рис. 1, 11, 12). Для Средней Азии и Казахстана самым ранним комплексом, где встречаются крупные и мелкие железные черешковые наконечники стрел с характерным треугольным абрисом пера, является Чирик-Рабат, датируемый IV–III вв. до н.э. (Курманкулов, Тажекеев 2011, 43). Также следует упомянуть железный наконечник второй половины IV в. до н.э. из Новоорского могильника в Южном Приуралье (Балахванцев 2017, 34).

В этой связи следует отметить, что на 2001 г. наиболее представительным по-прежнему являлся арсенал, расположенный на городище Ай-Ханум, датированный временем не позднее 30-х гг. II в. до н. э. (Литвинский 2001, 95). Таким образом, только два региона (культуры сарматского круга и Среднеазиатского региона) дают более или менее крупные серии, позволяющие говорить о времени появления и распространения подобного типа наконечников. В качестве предваритель-

ного итога можно сказать, что время широкого распространения мелких железных трехлопастных наконечников стрел относится к III или скорее II в. до н.э.

В данном контексте материалы из крепости Узундара могут уточнить время распространения подобных наконечников на территории Бактрии. Перейдем к описанию наконечников стрел Отдела 3. К нему относилось три типа.

Группа 1. Отдел 3. Тип 1. К данному типу нами были отнесены наконечники со сводчатой боевой головкой и переходом ее к черешку под острым углом, образуя при этом ярко выраженные шипы. Всего их известно по нашим материалам 5 экземпляров. Все они довольно крупные относительно остальных типов и вариантов и достигают 42–60 мм по высоте, при этом боевая часть достигала 30–35 мм, ширина пера 10–16 мм. Тем не менее, они относятся скорее к мелким или средним по систематизации Б.А. Литвинского (Литвинский 2001, 86).

Все эти наконечники происходят из планшетных сборов за пределами крепостных стен или непосредственно в развалах стен крепости Узундара и не имеют надежной датировки². Как показали исследования материалов курганных могильников и поселений Поволжья и Южного Приуралья, а также Средней Азии, данный тип является одним из самых ранних железных трехлопастных кованых наконечников стрел. Появившись в конце VI – начале V в. до н.э. в качестве бронзовых, с конца IV в. они изготавливаются из железа и имеют крупные размеры при длине свыше 60 мм. В материалах Прохоровской культуры широколопастные сводчатые наконечники в III–II вв. до н.э. сменяются более мелкими формами, аналогичными тем, что мы обнаружили на территории крепости Узундара и ее окрестностей. По типологии А.М. Хазанова, они относились к первому типу раннесарматских наконечников стрел. Второй и третий типы – со сводчатой головкой, выделенные автором, сильно отличаются пропорциями и размером от описанных нами выше образцов. К I в. до н.э. подобные наконечники выходят из употребления (Хазанов 1971, 36, 37, Литвинский 2001, 94).

Тип 2. К данному типу нами были отнесены трехлопастные наконечники треугольные по абрису пера, с прямыми или чуть округлыми очертаниями пера и переходом к черешку под прямым или тупым углом. Всего, по нашим материалам, их известно 122 экземпляра. Выделено 3 варианта. В разработанных типологиях, рассматривающих сарматские и среднеазиатские наконечники последних веков 1-го тыс. до н.э., нет единого мнения о необходимости выделения подобных образцов в разные типы. Б.А. Литвинский в своей первой работе объединил их в общий тип (Литвинский 1965, 77–81). Позднее, в 2001 году все трехлопастные треугольные наконечники по-прежнему рассматриваются им совместно, несмотря на систематизацию А.М. Хазанова, где подобные наконечники подразделены на два типа (4 и 6: наконечники, основание которых срезано под прямым углом и тупым углом) (Хазанов 1971, 37).

² Следует отметить, что четыре из пяти найдены в виде разреженного скопления наряду с другими десятками наконечников стрел на площади близ северо-восточной башни крепости. По материалам работ 2018 г. данное скопление было оконтурено и интерпретируется нами как место боестолкновения.

В свою очередь, мы посчитали возможным рассматривать подобные наконечники в рамках одного типа, но с выделенными вариантами. Объясняется это тем, что сохранность миниатюрных экземпляров не всегда позволяет надежно отличить данный переход. Кроме того, возможно, при самой ковке оформление кузнецом нижней части на одном наконечнике могло варьировать от прямого к тупому углу. Поэтому подразделение этих наконечников на варианты рассматриваемого типа представляется уместным. К отдельным вариантам мы будем относить морфологически законченные и ясные образцы с четкими признаками.

Переходя к аналогиям, следует отметить, что для Прохоровской культуры трехлопастные треугольные наконечники с переходом пера под прямым углом к черешку являются доминирующими (Хазанов 1971, 37). Наиболее ранние аналогии для Бактрии происходят из арсенала Ай-Ханум, где среди 42 определимых наконечников 17 относились к рассматриваемому нами типу, что также составляло большинство среди других типов, найденных в этом греко-бактрийском городе (Grenet, Lieger 1980, 56–58; Литвинский 2001, 98). Забегая вперед, следует отметить, что для крепости Узундара более характерными являются наконечники с переходом боевой части наконечника к черешку под тупым углом. Доминирование таких наконечников сохраняется до I в. до н.э., когда они сменяются крупными образцами, характерными для первых веков нашей эры. Отдельные экземпляры рассматриваемого типа попадают и в раннем средневековье (Литвинский 2001, 101). Большое количество аналогий, обнаруженных в слоях поселений и в погребениях Средней Азии, приведено в работе Б.А. Литвинского (Литвинский 2001, 92–103) и избавляет нас от необходимости повторения.

Вариант 1. Трехлопастные треугольные с переходом боевой части к черешку под прямым углом. В крепости Узундара и ее окрестностях найдено 36 экземпляров, относимых к этому варианту. Высота наконечника составляет 16–50 мм. Размер боевой части 13–32 мм, ширина 4–8 мм. Наконечники этого варианта происходят со всей площади крепости и помещений филактериона, где в стратифицированных слоях они датируются временем от Диодота I до Евкратиды I. Как уже писалось выше, эти наконечники являются доминирующими для раннесарматской культуры и в слоях города Ай-Ханум. Таким образом, для территории Бактрии мы можем уверенно говорить о распространении наконечников этого варианта в период не позднее середины III в. до н.э.

Вариант 2. Трехлопастные треугольные с переходом боевой части к черешку под тупым углом. Из крепости Узундара и ее окрестностей происходит 77 экземпляров, относимых к этому варианту. В настоящее время это самый доминирующий вариант на Узундара. Высота наконечников составляет 20–47 мм. При этом большинство из них относятся к мелким по системе Б.А. Литвинского (Литвинский 2001, 86). Размер боевой части 15–32 мм, ширина 4–8 мм. Наконечники этого варианта так же происходят из всех помещений филактериона крепости Узундара, где они датируются серединой III – 40-ми гг. II в. до н.э. По типологии А.М. Хазанова, они отнесены к 6 типу и отмечаются как наиболее редкие в раннесарматский и среднесарматский периоды (Хазанов 1971, 37). Встречаются они и в арсенале Ай-Ханум (Grenet, Lieger 1980, 56–58).

Вариант 3. Трехлопастные треугольные узкие наконечники с пропорцией боевой части 1/6 и с переходом боевой части под тупым углом к черешку. Всего их известно 9 экземпляров. Они происходят из первой башни филактериона крепости Узундара и обнаружены в слоях с монетами Евтидема I, датируемыми последней третью III в. до н.э. Общий размер наконечника 27–39 мм. Размер боевой части 25–35 мм, ширина 3–5 мм. Аналогичных наконечников в разработанных систематизациях нам пока неизвестно.

Тип 3. К данному типу нами были отнесены трехлопастные наконечники треугольные по абрису пера с переходом к черешку боевой части под острым углом, с лопастями, завершающимися шипами, или жальцами. Всего известно 57 таких наконечников, которые подразделяются на два варианта.

Вариант 1. Данный вариант был представлен наконечниками с треугольным или чуть округлым абрисом пера и опущенными жальцами. Он является вторым по численности среди всех наконечников Узундара и насчитывает 50 экземпляров. По мнению Б.А. Литвинского, все они относятся к малым или средним наконечникам и имеют размер 16–47 мм при высоте боевой части 20–35 мм. Они встречаются практически во всех помещениях филактериона крепости Узундара и хорошо датируются второй половиной III – 40-ми гг. II в. до н.э. Такие наконечники широко известны на территории эллинистической Бактрии и происходят из арсенала Ай-Ханум и крепости Курганзол (Grenet, Lieger 1980, 56–58; Сверчков 2013, 102, рис 88). Общий обзор аналогий, происхождения и времени бытования для мелких железных наконечников с опущенными жальцами как для территории Средней Азии, так и для сопредельных регионов дал Б.А. Литвинский (Литвинский 2001, 86). Им было убедительно доказано, что они являются одними из самых распространенных наконечников до I в. до н.э. Позднее им на смену приходят более крупные образцы этой же разновидности. Сосуществование крупных и мелких форм в первой половине I-го тыс. н.э. отмечено было еще О.В. Обельченко (Обельченко 1961, 142). А.М. Хазанов относил подобные наконечники к типу 5 по материалам Нижнего Поволжья и Приуралья, и замену их на более крупные образцы относил уже к первым векам нашей эры (Хазанов, 1971, 37–38). Особняком стоят материалы чирикратской культуры, где отмечается сосуществование крупных и мелких наконечников стрел в IV–III вв. до н.э. (Курманкулов, Тажекеев 2011, 43).

Вариант 2. К данному варианту отнесены аналогичные вышеописанным по форме пера наконечники, размер боевой части которых составлял 1/2 от общей высоты. Сам же черешок более мощный в основании и сужается к концу. Всего их известно 7 экземпляров. Общий размер составлял 34–40 мм. Боевая часть 13–35 мм. Все образцы, относимые к этому варианту, происходили с территории, располагающейся за пределами стен крепости, и группировались наряду с другими сотнями наконечников стрел (по материалам 2018 г.) на площади близ северо-восточной башни крепости. Наконечники с длинными черешками нетипичны для территории Бактрии, и находят наиболее близкие аналогии в материалах культур сарматского круга, где они продолжают бытовать в I в. до н.э. – I в. н.э. (Хазанов 1971, 37–38).

Затрагивая вопрос о периоде распространения крупных трехлопастных наконечников, не раз рассматривавшихся в историографии, следует отметить, что на территории крепости Узундара, относящейся к III (концу IV?) – II вв. до н.э., подобные наконечники стрел встречаются в единичных экземплярах и только в сооружениях, возникших после гибели крепости и датированных монетой индосакского царя Аза II (ок. 1–30 гг. н. э.). В этой связи следует отметить, что вся серия железных наконечников стрел, происходящих с крепости Кампыртепа и датированных I в. до н.э. – I в. н.э., представлена только крупными трехлопастными железными наконечниками (Двуреченская 2011; Горин, Двуреченская 2018).

Рассматривая сам комплекс наконечников стрел, следует отметить, что, безусловно, доминируют разные типы трехлопастных треугольных наконечников над бронебойными и плоскими, а в качестве основных типов наконечников выступают трехлопастные с переходом боевой части к черешку под тупым углом и наконечники с жальцами. Вес таких наконечников составлял от 2 до 6 г, а общая высота – от 15 до 50 мм. Такие массоразмерные показатели основного количества наконечников стрел свидетельствуют об использовании их в основном по незащищенному доспехом противнику. Также не следует забывать, что вторым оружием дистанционного боя для гарнизона Узундара и, по всей видимости, более дальнобойным и весомым являлась праща, столь характерная для греческого военного дела в рассматриваемый период. Ядра же пращи, обнаруженные в башнях и стрелковых галереях крепости, являются одной из частых находок в материальной культуре филактериона Узундара.

Первичная систематизация железных наконечников стрел эллинистического периода крепости Узундара позволяет прийти к следующим выводам. Небольшие по размеру железные наконечники стрел в стратифицированных слоях филактериона крепости встречаются только с середины III в. до н.э. В настоящее время ни одного наконечника рассмотренных выше типов не обнаружено в первом строительном горизонте, датируемом временем Антиоха I, где встречаются преимущественно бронзовые наконечники стрел, рассмотренные ранее (Двуреченский 2017). Возможно, эти выводы предварительны, так как сохранность слоев первого горизонта оставляет желать лучшего. В любом случае, как в количественном, так и в типологическом отношении Узундара дает нам один из самых ранних, надежно датированных комплексов железных наконечников стрел малых и средних размеров для Средней Азии в целом и Бактрии в частности.

Литература

- Балахванцев А.С. 2017: Политическая история ранней Парфии. М.
Горбунова Н.Г. 2000: О вооружении среднеазиатских скотоводов II (III?) в. до н.э. – V в. н.э. // РА. № 2.
Горин А.Н., Двуреченская Н.Д. 2018: Каталог монет крепости Узундара // МТЭ. Вып. 11.

- Граков Б.Н. 1930: Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов // ТСА РАНИОН. Т. V.
- Двуреченская Н.Д. 2011: Археологический комплекс на юго-западе жилого квартала I «нижнего города» Кампыртепа // МТЭ. Вып. 8.
- Двуреченский О.В. 2017: Бронзовые наконечники стрел крепости Узундара // КСИА. № 248.
- Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С. 1987: Комплекс вооружения кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск.
- Кругликова И.Т. 1986: Дильберджин. Храм Диоскуров. Материалы Советско-Афганской археологической экспедиции. М.
- Курманкулов Ж.К., Тажекеев А.А. 2011: Чирикратские железные наконечники стрел // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. Алматы. Т. 2.
- Литвинский Б.А. 1960: Археологические открытия на Восточном Памире и проблемы связи между Средней Азией, Китаем и Индией в древности. М.
- Литвинский Б.А. 1965: Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА. № 2.
- Литвинский Б.А. 1966: Сложносоставной лук в древней Средней Азии (к проблеме эволюции лука на Востоке) // СА. № 4.
- Литвинский Б.А. 1968: Оружие населения Памира и Ферганы в сакское время. Боевые топоры. Кинжалы. Наконечники стрел // МКТ. Вып. 1.
- Литвинский Б.А. 1984: Бронзовые наконечники стрел из Тахти-Сангина // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М.
- Литвинский Б.А. 2001: Храм Окса в Бактрии. Т. 2. М.
- Литвинский Б.А. 1981: Пичикян И.Р. Ножны акинака из Бактрии // ВДИ. № 3.
- Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. 1993: Ахеменидская рукоять с протомой грифона из храма Окса // ВДИ. № 4.
- Мошкова М.Г. 1963: Памятники Прохоровской культуры. М.
- Никоноров В.П. 1986: Вооружение и военное дело кушанской Бактрии // Городская среда и культура кушанской Бактрии-Тохаристана и Согда (III в. до н.э. – VIII в. н.э.). Ташкент.
- Никоноров В.П. 1987: Вооружение и военное дело в Парфии. АКД. Л.
- Никоноров В.П. 1992: Среднеазиатские чеканы и клевцы // Северная Азия от древности до средневековья. Тезисы конференции к 90-летию со дня рождения М.П. Грязнова. СПб.
- Никоноров В.П. 1995: Вооружение античного Согда (V в. до н.э. – IV в. н.э.) // Узбекистан – вклад в цивилизацию. Бухара и мировая культура. Вып. III/2. Бухара.
- Обельченко О.В. 1956: Куюмазарский могильник // ТИИА АН УзССР. Вып. VII.
- Обельченко О.В. 1961: Лявандакский могильник // ИМКУ Вып. 2. Ташкент.
- Обельченко О.В. 1978: Мечи и кинжалы из курганов Согда // СА. № 4.
- Обельченко О.В. 1998: Вооружение саков долины Зеравшана // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб.
- Пичикян И.Р. 1980: Ножны ксифосов и махайр в Северной Бактрии. СА. № 4.
- Пичикян И.Р. 1986: Парадные ножны греко-бактрийских мечей // Проблемы античной культуры. М.
- Сверчков Л.М. 2013: Курганзол – крепость Александра на юге Узбекистана. Ташкент.
- Смирнов К.Ф. 1961: Вооружение савроматов. М.
- Сорокин С.С. 1956: О датировке и толковании Кенкольского могильника // КСИИМК. Вып. 64. М.

Хазанов А.М. 1971: Очерки военного дела сармат. М.

Юсупов Х. 1986: Древности Узбоя. Ашхабад.

Dvurechenskaya N.D. 2016: The Hellenistic fortress Uzundara // Urban culture of Central Asia conference. Bern.

Francfort H-P. 1984: Fouilles d'Aï Khanoum III. Le sanctuaire du temple à niches indentées. Les trouvailles (MDAFA, t. XXVII). Paris.

Grenet F., Liger J.-C., Valence R., de. 1980: L'arsenal // BEFEO. T. LXVIII.

Marshall J. 1951: Taxila. Cambridge.

Robinson D.M. 1941: Metal and Minor Miscellaneous Finds. An Original Contribution to Greek Life (Excavations at Olynthos. P. X). Baltimore – London – Oxford.